

СВЕТ И ТЕНЬ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

СОВЕСТЬ не позволит ни одному честному, разумному человеку отрицать великое международное, гуманное значение литературы, рожденной Октябрем. Каждый год наши книги переводятся на десятки иностранных языков. Фильмы, снятые по сценариям советских писателей, завоевывают не только международные призы, но прежде всего сердца миллионов людей во всех уголках земли. Пьесы наших драматургов дарят аншлаги зарубежным театрам. Нобелевский комитет не смог не прислушаться к всемирному признанию художественного подвига Михаила Шолохова.

Только ненависть и бессильная злоба не считаются с логикой, с фактами. На страницах зарубежной прессы регулярно появляются литературные обозрения с анализом состояния советской литературы, написанные, однако, на одну заданную тему, во имя одной цели: доказать «несостоятельность» основных принципов социалистического реализма. Вот каркас этих изысканий, всегда грубо выпирающий из цветистых словесных оболочек: служение народу, верность его интересам и идеям якобы обескровливают советскую литературу, лишают ее художественности, новаторства, обрекают на лакировку.

На всем своем пути наша литература говорила с народом языком истины. Она правдиво и страстно рассказывала о жесточайших испытаниях, выпадающих на долю борцов за новую жизнь (вспомним «Поднятую целину», «Хожение по мукам», «Разгром», «Бронепоезд № 14—69», «Железный поток», «Как закалялась сталь», «Оптимистическую трагедию», «Любовь Яковую», «Жестокость»). Но литература наша никогда не разоружала борцов! Напротив, своей правдой, иной раз суровой, она окрыляла души.

Не лаком, а кровью сердца пишутся такие книги.

Не будем говорить о произведениях, прошедших проверку временем, о тех, которые стали подлинной классикой. Обратимся к тому, что создано за последние годы. Те, кто без предубеждения читает наши книги, видят, как углубляется исследовательское и философское начало в нашей прозе и поэзии. Завоевавшие признание литераторы не сходят с дорогой, не сходят с позиций безответственных концепций и крикливых фраз, рассчитанных на то, чтобы пошекотать нервы обывателя «модными» настроениями. Мелкотравчатая литературная суэта преходяща и недостойна большого таланта. Благородная традиция отечественной литературы — это философское осмысление жизни, забота о благе народа, но никак не гротовое тщеславие, самореклама и фродентство.

Перелистаем мысленно некоторые страницы наших книг.

Деревенская проза. Она озарена не только светом сегодняшнего утра и зарей завтрашнего дня. Прислушайтесь: в ней отзвуки поэтического голоса Некрасова с его выстраданной любовью к человеку, в ней духовные традиции честной и проникновенной прозы Тургенева и Л. Толстого, Глеба Успенского, Короленко и Чехова. Но, конечно же, это не старые, формальные перемены, а новая, истинно советская литература, рожденная глубокими преобразованиями в стране с новым социальным строем.

Очерки Валентина Овечкина начали социологическое исследование колхозной жизни, которое успешно продолжается и до сегодняшнего дня нашими наиболее приверженными к этой теме писателями. Такие книги рождаются в результате органичного сплава таланта и

кровной привязанности к жизни своего народа.

Может ли читатель, переживший вместе с героями повестей «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова или «Лилии» С. Крутилина их страдания, любовь и надежды, не погрешив против совести, утверждать, что советская литература на ее современном этапе приукрашивает жизнь? Разве правда этих книг равнозначна идиллии? Но изображаемые в этих произведениях трудности и страдания не означают обреченности. Главный их нерв, их сила — это вера в человека, в чистоту и благородство народного характера.

Как жонглеры цирковых балаганов, манипулируют наши недоброжелатели словами «критическое начало». Им очень хотелось бы видеть «критическое начало» нашей литературы в оплевывании всего того, за что наши деды и отцы, а затем наши современники отдавали свою жизнь и кровь. «Критическое начало» в нашем понимании — это разоблачение чуждых нам идеалов, а не предательство завоеваний советского народа.

Иногда неосведомленные западные литераторы, сбивые с толку враждебной нам пропагандой, говорят: «Сама постановка вопроса об усилении исследовательского пафоса советской литературы, об устремлении ее в глубинные пласты социальной, народной жизни не свидетельствует ли о бездуховности, прагматизме, утилитарности?»

Недавно Юрий Бондарев в статье «Главное — человек», опубликованной в «Правде», рассказывал о выступлении на дискуссии в Вене г. Алена Роб-Грийе. Этот теоретик французского «нового романа» заявил, будто вся современная социалистическая литература занята проблемами сугубо утилитарными, вроде выполнения рабочим производственного плана или получения новой квартиры. Другой французский писатель — Жан-Блок Мишель присоединил к этому еще одну, якобы мучающую советскую литературу проблему — посев зерновых культур в деревне. Какие книги имели в виду выступавшие? Неизвестно. Свое утверждение они не обосновали ни единым фактом, не назвали ни одной, даже плохой нашей книги последних лет, хотя известно, что о литературе следует судить не по неудачам, а по взятым вершинам.

Мы знаем немало «знатоков» советской литературы, которые, проявляя свою «заботу» о наших писателях, «радея» об их творческой жизни и гражданской зрелости, не устают подавать им советы, диктовать рецепты, нимало не смущаясь своей полной неосведомленностью о жизни советских людей, об их духовных интересах и подлинном состоянии советской литературы. Только при откровенной неobjективности можно ставить знак равенства между исследовательским пафосом советской литературы и бездуховным прагматизмом.

Объект нашей литературы — это человек со своим сложным духовным миром, показанный во всех связях с действительностью. И строительство канала в пустыне в романе Ю. Трифонова «Утоление жажды», и «посев зерновых в деревне» в книге Е. Мальцева «Войди в каждый дом», и добыча руды на Курской магнитной анома-

лии в «Большой руде» Г. Владимова — это только материальная ткань жизни героев, борющихся, страдающих, любящих и ненавидящих. Авторы волнует становление морали и нравственности, рождающейся в столкновении добра и зла. Эта вечная тема решалась русской литературой критического реализма и на новом этапе развития решается нашей литературой реализма социалистического. Только слепцам не дано этого увидеть.

Поэзия. Еще недавно казалось, что в моду входят шумные эстрадные выступления читающих себя авторов. Что рассчитанная на рекламный успех декламация вытесняет общение читателя с книгой. Это впечатление оказалось обманчивым. То, что поначалу было в диковинку, приелось. Мнимая «злота дня» теряет свою сенсационность. Мода уступила место зрелым раздумьям, подлинной гражданственности, неподдельной духовности. Поэтические сборники М. Светлова, Я. Смелякова, Л. Мартынова и Б. Ручьева, столь разные по своему почерку, творческому характеру и видению мира, были отобраны читателем и по достоинству им оценены.

Славный путь прошла наша поэзия! Мы по праву гордимся зачинателями советской поэзии в дни Октября и гражданской войны. Н. Тихонов, М. Исаковский, С. Щипачев, А. Сурков, В. Инбер, С. Кирсанов, А. Безыменский, А. Жаров и многие их сверстники и товарищи находились с нами в одном строю, старшие среди младших, учителя среди учеников.

Иные наши недруги за рубежом выражают наигранный недоумение по поводу того, что мы-де слишком часто вспоминаем в своих произведениях о минувшей войне. Все, дескать, давно уже кануло в Лету — пора и забыть... Нет, не забудем! Не хотим и не имеем права это забыть.

Изуверившись в любовных атаках на нашу страну, наш противник сейчас решил «зайти с тыла». Не решаясь на военную агрессию, которая, естественно, может сулить ему лишь сокрушительное поражение, он сосредоточил усилия на агрессии идеологической. Но мы знаем, что, осознав безнадзорность и этой борьбы против нас, он, потеряв рассудок, может вновь обратиться к военным авантюрам. И ему очень хотелось бы, чтобы советская литература не расстила новых Матросовых, Гастелло, Космодемьянских. Но она их всегда воспитывала и будет воспитывать впредь! Так же, как Матросовых, Гагаринных и Терешковых...

Испытание войной на трагическом изломе истории обнажило душу народа, то «святое за душой», что делает человека человеком, защитником человечности. Если всмотреться в современную литературу о войне, нетрудно заметить, что лучшие ее произведения исходят сегодня прежде всего идейные, нравственные истоки нашей победы. Они показывают, с какой отчетливостью выявила трагедия войны силу нашего духа.

Лучшим книгам на военнопатристическую тему последних лет: К. Симонова. Ю. Бондарева, А. Алексеева, Г. Бакланова, А. Анянзева, Е. Воробьева в высокой степени свойственны обостренное чув-

ство правды, неутомимые и настойчивые поиски не выдуманных, а подлинных конфликтов, отказ авторов от ретуши и грима, решимость не замалчивать драматические страницы в истории минувшей войны. Нам бесконечно дорог животворный оптимизм наших героев, на чьи опаленные войной лица лег праздничный свет Победы. Мы ценим пафос и патетику подвиг, свершенных нашими героями в сверхтрудных обстоятельствах. Но мы не хотим забывать и о том, каким мучительным и длинным путем шли мы к Победе, сколько нам пришлось по пути преодолеть невзгод, сколько хлебнуть горя, какие принести жертвы.

И тут, в этом жанре, наша литература анализирует прошлое во имя защиты грядущего!

Я назвал лишь малую толику книг наших ярких и талантливых писателей. Может быть, хоть какие-то из этих произведений и этих имен нашли признание, к примеру, в передачах того «голоса», который называет себя «Голосом Америки»? Хотя подлинными голосами Америки все прогрессивные люди мира считают голоса таких людей, как Мартин Лютер Кинг, доктор Спок, американские парни, даже под угрозой тюрьмы отказавшиеся воевать во Вьетнаме.

Нет, советская литература в ее истинном виде не интересует наших противников. Зато они бессовестно причисляют к «московским писателям» тех, которые не имеют отношения ни к одному из литературных жанров: ни к рассказам, ни к повестям, ни к стихам, — разве что имеют отношение к известным статьям Уголовного кодекса.

Московский писатель... Это высокий литературный титул. Московская литература... Синонимами этого определения — московская! — мы имеем право считать лишь такие слова: талантливая, высокохудожественная, высокоидейная! Партийная!

Всегда — и в нашем веке и в прошлом — столичной литературой считали только литературу ярких идейных и художественных достоинств. В 1838 году в «Северной пчеле» было опубликовано «Письмо из Москвы». Обращаясь к читателям Санкт-Петербурга, автор письма говорил: «Вот, кстати, об литературе: с чего это вздумали у вас называть «московскими» безобразные романы, дубочные издания и бессмысленные стихи?»

Прошло более ста лет. Санкт-Петербург стал Ленинградом. Преобразилась Москва. Есть у нас истинно московская литература! Однако мы и сегодня не хотим называть «московскими» иные произведения, сочиненные, к сожалению, в Москве, но во вред нам изданные на русском языке за тысячи километров на запад от советской столицы.

Это относится и к некоторым печально известным эпистолярным произведениям, в которых грубо нарушены законы этого интимного жанра. Ведь ему, на мой взгляд, противопоказано соавторство, да еще такое странное, когда пишет один, а другие подписывают, подчас и не читая...

Так именно и происходило. Несколько «инициаторов», желающих возместить свою творческую несостоятельность политическим скандалом, организовали письма в защиту у-

ловников, тут же объявленных за рубежом «советскими литераторами». Сборщики подписей пользовались в одном случае тяжелой болезнью и мягкосердечием того или иного видного писателя, в другом — неосведомленностью, в третьем — политическим недомыслием и расплывчатым пониманием «гуманизма вообще». Странно! Почему же тогда мы не слышали их встревоженных голосов в защиту того же доктора Спока и его друзей, в защиту Глезоса и Теодоракиса, в защиту Мартина Лютера Кинга и его соратников, которым ежеминутно грозила или грозит пуля из-за угла?

Нет и не было ни одного сколько-нибудь значительного события в истории Советского государства, деятельными участниками которого не являлись бы наши писатели. Факт, лежащий, казалось бы, на поверхности, а между тем он свидетельствует о кровной связи творческой интеллигенции с народом. Так было в дни войны и в дни мира. Каждый третий писатель-москвич отдал свою жизнь за Родину в годы сражений с фашизмом. На заводах и на полях, в шахтах и научных лабораториях советский литератор всегда рядом с героями своих произведений и со своими читателями. Тем оскорбительней для всей нашей писательской семьи поступки тех немногих, которые, не принимая никакого участия в общественной деятельности, проявляют такую завидную мобильность в деле антиобщественном.

Антикоммунизм мечется. Он то и дело меняет окраску, маневрирует. Свои идеологические диверсии он хочет вести не в откровенном обличье диверсанта, а под личиной этогокого искренне озабоченного нашими делами зарубежного доброжелателя, стремящегося что-то у нас «улучшить», кому-то у нас «помочь» советами и критическими замечаниями. Отныне его заповедь: «Если ты не можешь победить врага — обвини его и... дай подножку!» Достоинство презрения то, что некоторые литераторы поверили этой обманной личине и дали себя обмануть, не проявив при этом естественного чувства брезгливости. Недавно их «сочинения» эпистолярного жанра с такой жадностью подхватили и прокричали в эфир разные враждебные нам «голоса» — те самые, которые, как я уже отмечал, ни разу не обмолвились добрым словом ни об одном истинно талантливым произведении нашей советской литературы. А если и обмолвились, то опять же ради далеко идущих неблагоприятных целей.

Партийный актив московских литераторов и секретариат Московской писательской организации единодушно осудили авторов безответственных документов, вольно или невольно давших из своих рук пищу вражеской пропаганде. Этих авторов нельзя даже называть «подавляющим меньшинством». Их попросту не видно в том могучем океане, что именуется нашей литературой. Как говорится, «3—4 в поле зрения».

Мне бы хотелось закончить заметки словами, которые были сказаны Генеральным секретарем Центрального Комитета нашей партии Л. И. Брежневым на XIX Московской партийной конференции: «...пусть знают все, что деятели советской культуры и искусства, как и вся интеллигенция нашей страны, всегда были, есть и будут вместе со своим народом, вместе с партией Ленина».

Сергей МИХАЛКОВ.
Первый секретарь Московской писательской организации, секретарь правления Союза писателей СССР.